судебного штрафа на несовершеннолетних и проч. Также необходимо уточнение о преступлениях, осво-

бождение от уголовной ответственности за которые с назначением судебного штрафа невозможно.

Библиографический список

Анощенко С. В. Восстановительно-компенсационная функция уголовного права // Библиотека уголовного права и криминологии. 2014. № 3.

Головкин Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002.

Дудченко М. Ю. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: возможные проблемы на практике // Уголовный процесс. 2016. № 10.

Звечаровский И. О юридической природе судебного штрафа (ст. 76², 104⁴ УК РФ) // Уголовное право. 2016. № 6.

Кудрявцева А., Сулягин К. Судебный штраф // Уголовное право. 2016. № 6.

Лобанова Л., Мкртчян С. Некоторые проблемы установления и реализации нового основания освобождения от уголовной ответственности // Уголовное право. 2016. № 6.

Пикуров Н. И. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: юридическая природа и перспективы применения // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. XIV Международ. науч.-практ. конф. (26—27 января 2017 г.). М., 2017.

Уголовное право России. Общая часть: учебник: в 2 ч. Ч. II / под ред. Н. А. Лопашенко. М., 2015.

Уголовное право России: Общая часть: учебник / под ред. Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. СПб., 2006.

Филимонов В. Понятие и классификация мер уголовно-правового характера // Уголовное право. 2012. № 4.

Юсупов М. Вопросы применения нового вида освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Уголовное право. 2016. № 6.

Законодательные возможности уяснения аналогии в содержании незаконного оборота наркотиков

ЕГОРОВА Татьяна Игоревна, старший преподаватель кафедры уголовного права Академии Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, кандидат юридических наук

390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, 1

E-mail: madamti62@yandex.ru

В уголовно-правовом регулировании особое значение имеет ясность правовых предписаний. Очевидная ограниченность текстуального пространства обязывает при законодательстве использовать наиболее точные термины, позволяющие лапидарно изложить волю законодателя. Стремительное развитие форм и способов незаконного оборота наркотиков определяет важность расширения сферы уголовно-правового регулирования.

Цель исследования — уяснение пределов использования законодателем смежных терминологических категорий при закреплении признаков различных форм незаконного оборота наркотиков. Задачи исследования: изучение современных положений Уголовного кодекса Российской Федерации об уголовной ответственности за незаконный оборот наркотиков, исследование сущности однообразных терминов различного правового содержания, закрепленных в разных уголовно-правовых нормах, а также различных понятий, обозначающих аналогичные признаки, и их уяснение в процессе правоприменения.

Уголовно-правовое законодательство рассмотрено с диалектических позиций формально-логического анализа уголовно-правовых предписаний, закрепляющих признаки преступ-

лений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Использован системно-структурный метод изучения общественных отношений и связанная с этим правоприменительная практика, позволяющая оценить соответствие семантического значения понятий их смысловой оценке при квалификации преступлений.

Автором выявлена особая динамичность отношений в сфере оборота наркотиков, которая создает значительные трудности в процессе законотворчества и правоприменения. Сделано предположение о возможности применения предписаний права по аналогии, при которой должна реализовываться не только буква уголовного закона, но и его охранительное предназначение. Проанализирована особенность положений уголовного права, имеющих имплицитные свойства, предопределяющие возможность различной квалификации действий, одинаково выраженных в действительности, но имеющих различное содержание. Исследована тенденция разграничения правоприменителем признаков различных преступлений в зависимости объективных и субъективных признаков, прямо не названных законодателем. Особое внимание уделено возможности уяснения новых уголовно-правовых терминов: аналоги наркотических средств и психотропных веществ, новые потенциально опасные психоактивные вещества.

Ключевые слова: аналогия закона, незаконный оборот наркотиков, незаконное приобретение, незаконное культивирование, имплицитность, аналоги наркотических средств и психотропных веществ, новые потенциально опасные психоактивные вещества.

Legislative Ability to Understand Analogies in the Content of Illicit Drug Trafficking

T. I. EGOROVA, senior lecturer at the Department of criminal law of the Academy of the Federal Penal Service of the Russian Federation, candidate of legal sciences

1, Sennaya st., Ryazan, Russia, 390000

E-mail: madanti62@yandex.ru

In the criminal law the clarity of the legal provisions is of particular importance. Evident limited textual space obliges the law to use the most precise terms, allowing to express the will of the legislator. The rapid development of forms and methods of illegal drug trafficking determines the importance of expanding the scope of criminal law regulation.

The aim of this research is to understand the limits of the use by the legislator of related terminological categories in a process of settlement of various drug trafficking forms. Objectives of the study: to study the modern provisions of the Criminal Code of the Russian Federation on a criminal liability for illegal drug trafficking, to study the nature of the same terms with the different legal content, enshrined in different legal norms and different definitions with the same terms and their explanation in the enforcement process.

In the framework of present article the criminal law was discussed from a dialectical standpoint of the formal-logical analysis of criminal law regulations implementing the signs of crimes related to drug trafficking. Also the system-structural method for the study of public relations and related law enforcement practices was used; this method allowed to assess the compliance of the semantic meaning of their semantic evaluation in the classification of crimes.

The author reveals the special dynamics of relations in the sphere of drug trafficking, which creates significant difficulties in the process of lawmaking and enforcement. The assumption is made about the possibility of applying the precepts of law by analogy, which should be implemented not only the criminal law, but its protective purpose. There were analyzed the trends of the criminal law provisions that have implicit properties that determine the ability of various acts that are equally expressed in reality, but have different content. The author has investigated the trend of differentiation enforcer signs of various crimes based on objective and subjective signs not expressly named by the legislator. Special attention is paid to the possibility of understanding the new criminal legal terms: analogues of narcotic drugs and psychotropic substances, new potentially dangerous psychoactive substances.

Keywords: analogy of the law, illicit drug trafficking, illegal purchase, illegal cultivation, implicitness, analogues of narcotic drugs and psychotropic substances, new potentially dangerous psychoactive substances.

Специфичность осуществления правового регулирования составляет последовательность развития, при которой возникновение общественного отношения всегда предшествует появлению правовой нормы. «Закон, как бы совершенен он не был в момент своего издания, с течением времени, при изменившихся обстоятельствах, может даже общее превратить в сплошную несправедливость. Закон, далее, как всякое дело рук человеческих, часто страдает пороками — мысли или пороками редакции. И, наконец, всякое законодательство, даже самая пространная кодификация, нередко обнаруживает пробелы — часто просто потому, что в момент его издания закон еще не имел перед собой тех жизненных явлений, которые развернулись впоследствии»¹.

Требование особой актуальности правовых предписаний в наивысшей степени касается норм уголовного права, охраняющего наиболее важные социальные интересы.

Российское уголовное законодательство, ориентируясь на традиционные подходы регламентации и оценки общественно опасных деяний, обладает высокой степенью консервативности. Однако современные тенденции формирования новых социальных связей, изменения их характера и содержания представляются весьма динамичными. В связи с этим весьма актуальными являются повышение значения превенции, предупреждение возможности использования криминалом пробелов и неточностей законодательных формулировок.

Необходимо отметить, что юридической науке известен период развития уголовного права, когда «аналогия уголовного закона была орудием борьбы с инокомыслием, неудобным культом личности»². В подобной си-

туации один из представителей европейской эпохи Просвещения отмечал: «Нет ничего опаснее банальной истины, предписывающей руководствоваться духом закона, что является иллюзорной преградой на пути потока мнений»³. Несомненно, низкий уровень правового сознания и правовой культуры препятствует правильному пониманию назначения права. Латинское выражение “*Ne cui dolus suus, per occasionem juris civilis, contra naturalem aequitatem prosit*” («Злой умысел никому не должен пойти на пользу под предлогом права, вопреки естественной справедливости») ориентирует на учет идей естественной справедливости при правоприменении.

Недопустимость признания уголовно-правовых запретов по аналогии закреплена в законе (ч. 2 ст. 3 УК РФ). Однако уголовное право широко использует возможности установления подобия различных явлений и действий, обладающих сущностной аналогичностью. То обстоятельство, что в ряде случаев «законодатель сам разрешает толковать данную норму расширительно», не свидетельствует об отсутствии аналогии в правоприменении. Как представляется, запрет на применение уголовного закона по аналогии касается такой его реализации, которая не соответствует его духу, при возможности различного толкования терминов. Поэтому нельзя согласиться с А. К. Романовым, что аналогия закона приводит к «извращению духа закона при сохранности его буквы»⁴. Очевидно, что ни систематическое толкование закона⁵,

альные проблемы экономики и права. 2008. № 1. С. 114.

³ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / пер. с итал. Ю. М. Юмашева. М., 2000. С. 44.

⁴ Романов А. К. Почему недопустима аналогия закона в уголовном праве // Законность. 2011. № 5. С. 45.

⁵ См.: Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право,

¹ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. 3-е изд. М., 2001. С. 60.

² Епифанова Е. В. Аналогия в уголовном праве: история и современность // Акту-

ни выводы по аналогии⁶ или судебное усмотрение⁷ не меняют сущности правоприменения, при котором должна реализовываться не только буква закона, но и его охранительное предназначение.

Наглядным примером представляется практика Европейского суда по правам человека, который, по мнению Конституционного Суда РФ, высказанному им в постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П, защищая интересы личности при толковании положений Европейской конвенции по правам человека, может выйти за рамки общепризнанных норм и принципов международного права, касающихся суверенитета государства-ответчика, широко понимая ценность субъективного права.

Особенно важное значение приобретает возможность аналогии закона при защите здоровья населения. Относительная новизна проблемы широкого распространения немедицинского потребления наркотиков как угрозы национальной безопасности диктует необходимость формирования обширной системы нормативно-правового регулирования охраняемых отношений.

Современный российский феномен все большей публикации наркотиков известен истории человечества. Изначальное древнее отношение к наркосодержащим растениям в условиях мифологического сознания как анимизма или фетишизма уступило место религиозному табу. Распространение медицинских знаний способствовало фармакологическому изучению наркотиков как лечебных препаратов с ядовитыми свойствами.

уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004. С. 189.

⁶ См.: Сабитов Т., Морозов М. Вывод по аналогии при квалификации преступлений // Уголовное право. 2014. № 2. С. 65.

⁷ См.: Ермакова К. П. Правовые пределы судебного усмотрения // Журнал российского права. 2010. № 8. С. 53.

В середине XIX в. наркотики отмечены в парадигме цивилизационного развития общества. Известные всемирной истории «Опиумные войны» являются дескриптивным примером успешного включения немедицинского потребления наркотиков в культуру народа. Распространение опиумной наркомании являлось способом усугубить экономический дисбаланс между экспортом и импортом Китая, обеспечить более широкое открытие государства для иностранной торговли. По ряду оценок, в 1879 г. 50% взрослого мужского и 25% взрослого женского населения так или иначе употребляли опиум, например, по праздникам. Эти цифры к 1906 г. возросли до 70% и 50% соответственно⁸. Неоднократные попытки китайских властей остановить распространение опиума в стране в итоге привели в XIX в. к двум военным вторжениям в страну со стороны западных держав. Лишь неуклонная жесткая карательная национальная политика в отношении своих граждан способствовала пресечению наркобизнеса.

Высокая агрессивность наркоэкспансии в России характеризуется появлением все новых элементов преступной деятельности, демонстрацией нарастающих не только количественных темпов незаконного оборота наркотиков, но и качественных изменений психоактивного состава запрещенных веществ, приобретающих все более концентрированный вид.

В связи с этим с момента принятия УК РФ нормы об уголовной ответственности за незаконный оборот наркотиков претерпели наибольшие изменения.

Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ была, например, изменена редакция ст. 228 УК РФ,

⁸ См.: Широков Г. Г., Беликов А. М. Опиумные притоны поздней династии цин и деморфинная лихорадка начала XXI в. // Антинаркотическая безопасность. 2015. № 1. С. 123.

введены новые ст. 228¹, 228². Изменения, внесенные Федеральным законом от 1 марта 2012 г. № 18-ФЗ, вновь затронули ст. 228, 228¹, 228², привели к появлению новых ст. 228³, 228⁴ УК РФ. На дифференциацию и ужесточение ответственности за незаконный оборот наркотиков было направлено принятие ряда других изменений, коснувшихся квалифицирующих признаков и санкций уголовно-правовых норм, регулирующих общественные отношения в рассматриваемой сфере.

Одним из наиболее актуальных направлений совершенствования уголовного закона является систематизация положений об уголовной ответственности за незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ (ст. 234¹ УК РФ). Также в соответствии с Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 328-ФЗ на содержание Общей части УК РФ распространены понятия «наркотические средства», «психотропные вещества», «их аналоги», «новые потенциально опасные психоактивные вещества».

Однако, несмотря на стремительное расширение сферы законодательного регулирования оборота наркотиков, рассматриваемая область далека от совершенства. Достаточно обратиться к положениям диспозиций статей Особенной части УК РФ, регламентирующих ответственность за незаконный оборот наркотиков, сопоставить их с положениями иных нормативных правовых актов и практикой правоприменения.

Например, ст. 228 УК РФ предусматривает уголовную ответственность, в частности, за незаконное приобретение наркотиков, а также их изготовление. Однако очевидно, что изготовление является способом приобретения⁹. Незаконное приобре-

тение также возможно в результате незаконной сделки или находки.

Сложная ситуация складывается при уяснении понятий сбора «растительных наркотических средств» и «растений, содержащих наркотические вещества». Правоприменительная практика не разграничивает данные понятия, рассматривая их как идентичные.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», под незаконным приобретением без цели сбыта растений, содержащих наркотические средства, надлежит считать, в частности, их получение любым способом, в том числе сбор дикорастущих растений или их частей, включенных в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации (в том числе на земельных участках граждан, если эти растения не высевались и не выращивались).

Таким образом, приобретение наркотиков путем сбора дикорастущих растений можно рассматривать как незаконный сбор общедоступных для сбора вещей (ст. 221 ГК РФ, ч. 3 ст. 11 ЛК РФ) — незаконное приобретение наркотических средств. А приобретение наркосодержащих растений, незаконно выращенных виновным, как приобретение продукции путем использования имущества (семян) (ч. 2 ст. 218 ГК РФ) — культивирование растений, содержащих наркотические вещества.

В случае незаконного приобретения указанных растений в результате культивации последующее их хранение или сбыт квалифицируются как незаконные действия с наркотическими средствами.

⁹ См.: Пуклич Т. И. Уголовная ответственность за незаконные изготовление, приобретение, хранение, перевозку, пересылку либо сбыт наркотических средств или психо-

тропных веществ: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003. С. 114.

То есть уголовный закон в отношении наркотических средств применяется по аналогии к растениям, содержащим наркотические вещества, так как одни и те же растения упоминаются в разных правовых актах: постановлениях Правительства РФ от 30 июня 1998 г. № 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» и от 27 ноября 2010 г. № 934 «Об утверждении перечня растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры и подлежащих контролю в Российской Федерации, крупного и особо крупного размеров культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, для целей статьи 231 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации по вопросу оборота растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры». Очевидно, что субсидиарность должна обеспечивать эффективное функциональное взаимодействие норм разных отраслей законодательства, их сбалансированное соотношение и взаимосвязь¹⁰.

Учитывая смысл разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, по аналогии можно предположить, что незаконное культивирование наркосодержащих растений без цели сбыта следует квалифицировать по ст. 231 УК РФ, а приобретение наркотических средств растительного происхождения путем незаконного культивирования с целью сбыта — по ч. 1 ст. 30, ст. 228¹ УК РФ. Данный вывод закономерен еще и потому,

что ст. 231 УК РФ не предусматривает уголовную ответственность за культивирование в небольшом размере.

Таким образом, объективный вывод о квалификации деяния и отнесении тех или иных растений к наркотическим средствам ставится в зависимость от субъективных намерений виновного, что вызывает определенные возражения.

Отсутствие единообразного понимания ряда других объективных признаков незаконного оборота наркотиков, например момента окончания сбыта, также противоречит применению положений закона в соответствии с его конкретными терминами.

В подобных условиях толкование уголовно-правовых терминов может быть различным, вплоть до противоположных. Примечательна в связи с этим позиция Пленума Верховного Суда РФ, отраженная в постановлении от 15 июня 2006 г. № 14 в п. 13 в первоначальной редакции и п. 13¹ в редакции от 30 июня 2015 г., относительно правил квалификации сбыта наркотиков в ходе проверочной закупки или иного оперативно-розыскного мероприятия. Законность подобных разъяснений представляется спорной. Тогда как обязательность указаний Верховного Суда РФ для судей не представляет сомнений. Данное обстоятельство подтверждает практика Европейского суда по правам человека. Так, в постановлении ЕСПЧ от 24 апреля 2014 г. «Дело “Лагутин и другие против Российской Федерации”» (жалобы № 6228/09, 19123/09, 19678/07, 52340/08 и 7451/09) предписания, закрепленные в УК РФ и Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», анализируются наряду с положениями постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 как обладающие равной юридической силой.

Однако изменения, вносимые в постановление Пленума Верховно-

¹⁰ См.: Абрамова А. И. Субсидиарное применение правовых норм как способ оптимизации законодательного регулирования // Журнал российского права. 2013. № 10. С. 49.

го Суда РФ, в отличие от уголовного закона не обладают обратной силой.

Экспессивное апеллирование уголовным законом различными терминологическими категориями, содержание которых толкуется судебной практикой различно, отражает свойство имплицитности правовых предписаний.

Согласно семантическому пониманию речи «лишь контекст способен оживить и сделать ощутимыми для сознания»¹¹ языковые и смысловые связи единиц сообщения.

В связи с этим высокая имплицитность уголовно-правовых терминов приводит к формальной неопределенности закона, положения которого, выраженные конкретными терминами, наделены неопределенным смыслом.

Термин «имплицитность» (от фр. *implicite* — «подразумеваемый, неявный»; лат. *implicitus* — «вплетенный»; лат. *implicare* — «вплетать во что-то, впутывать, тесно связывать») весьма точно характеризует состояние современного российского уголовно-правового регулирования. В отсутствие действия судебного прецедента правоприменительная практика весьма неединообразно толкует различные признаки состава преступления в зависимости от обстоятельств посягательства. Конкретное содержание незаконного оборота наркотиков нередко «выводится из эксплицитного содержания языковой единицы в результате его взаимодействия со знаниями получателя текста, в том числе с информацией, черпаемой этим получателем из контекста и ситуации»¹².

Имплицитность уголовно-правовых норм предопределяет возмож-

ность различной квалификации действий, одинаково выраженных в действительности, но имеющих различную направленность. Данное свойство позволяет праву осуществлять юридическую оценку деяниям в динамично изменяющемся мире, следуя духу уголовного закона, его охранительному предназначению, учитывать положения иных отраслей права.

Вместе с тем немаловажным является регулятивное значение уголовно-правовых предписаний.

Возможно обратиться к практике ЕСПЧ, который в постановлении от 2 августа 1984 г. по делу «Мейлун против Великобритании» (жалоба № 8691/79) указал пределы конкретности закона. Так, разрешая вопрос о содержании правового регулирования прослушивания переговоров, Суд отметил, что «закон» не должен быть таким, чтобы позволять индивиду предвидеть, как и когда его сообщения подвергаются риску быть прослушанными властями с тем, чтобы он не мог вследствие этого менять свое поведение». Однако «закон должен использовать достаточно ясные термины».

Формирование позитивной ответственности личности невозможно без уяснения положений закона. В связи с этим широкое правовое регулирование нередко становится препятствием для интерпретации личностью своих субъективных прав и обязанностей в сфере оборота наркотиков.

В то же время апеллирование в законе общедоступными с этимологической точки зрения терминами позволяет уголовному закону сформулировать идеальное понятие, обладающее мощной превентивной силой.

К таким дефинициям, не известным до недавнего времени отечественному уголовному законодательству, с нашей точки зрения, относятся понятия «психотропные вещества», «аналоги» и «новые потенциально опасные психоактивные вещества».

¹¹ Ермакова Е. В. Многоаспектность проблемы имплицитности: имплицитность в языке и речи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2009. Т. 9. № 1. С. 59.

¹² Сидоренко А. В. Языковые средства создания имплицитности в рекламном тексте // Вестник ВЭГУ. 2011. № 5. С. 134.

Понятие «психотропные вещества» появилось в отечественном праве в связи с ратификацией Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 октября 1978 г. № 8282-IX Конвенции о психотропных веществах 1971 г. В действительности фармакологический смысл терминов «наркотические средства» и «психотропные вещества» не всегда соответствует юридическому понятию, отраженному в списках перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, в соответствии с постановлением Правительства РФ от 30 июня 1998 г. № 681. С точки зрения медицинской науки ряд психотропных веществ в настоящее время не отнесен к таковым ни международным, ни национальным правом (например, хлорпромазин — ларгоктил, аминазин).

До сих пор не уяснено использованное законодателем понятие «новые потенциально опасные психоактивные вещества». Несмотря на наличие определенной правовой базы, регламентирующей статус рассматриваемых предметов преступлений, фармакологическая составляющая данных веществ остается дискуссионной. Большинство авторов отмечают сходство новых потенциально опасных психоактивных веществ с наркотическими средствами, психотропными веществами, сильнодействующими и ядовитыми веществами.

Структурное расположение ст. 234¹ в гл. 25 УК РФ дает основание полагать, что новые потенциально опасные психоактивные вещества имеют отношение к сильнодействующим или ядовитым веществам. Вместе с тем согласно пояснительной записке к проекту федерального закона № 638953-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» законопроект «направлен на противодействие обороту новых психоактивных веществ, воспроизводящих основную химическую структуру наркотиче-

ских средств или психотропных веществ и схожих с ними по физиологическому воздействию на организм человека (так называемых спайсов)». Однако общеизвестно, что спайсы относятся к группе синтетических наркотиков.

Постановлением по делу об административном правонарушении мирового судьи судебного участка № 2 Приволжского судебного района в Ивановской области от 27 сентября 2016 г. Ч. признан виновным в потреблении нового потенциально опасного психоактивного вещества «Спайс» (каннабиноида JWH-018), включенного в перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, утвержденный постановлением Правительства РФ, и отнесенного к наркотическим средствам, оборот которых в России запрещен (ч. 1 ст. 6.9 КоАП РФ).

Таким образом, под новыми психоактивными веществами ошибочно понимаются аналоги наркотических средств и психотропных веществ, относящихся к категории синтетических каннабиноидов. Очевидно, что ст. 234¹ УК РФ предусматривает более мягкие санкции по сравнению со ст. 228, 228¹ УК РФ и не может быть применена при квалификации незаконного оборота аналогов наркотических средств и психотропных веществ.

Как представляется, задача законодателя в части уточнения предметов преступлений в ст. 228—232 и ст. 234¹ УК РФ состоит в использовании средств юридической техники, позволяющих донести содержание правовых предписаний до лиц, обязанных соблюдать закон.

Использование законодателем терминов «средства», «вещества» наряду с понятием «аналоги» создает впечатление материальной подобности данных предметов, характеризующихся определенными физическими состояниями: жидким, порошкообразным и т. д. Однако в соответствии с Федеральным за-

коном от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» аналогия между средствами устанавливается на основании внутренних характеристик: схожести химической структуры и психоактивных свойств (ст. 1).

Отсутствие в УК РФ доступного понятия средств, представляющих угрозу для здоровья населения, изъятых из свободного гражданского оборота, создает трудности в уяснении общественной опасности незаконного оборота наркотиков для здоровья населения. Терминологическое перенасыщение ст. 228—232 и ст. 234¹ УК РФ создает дополнительные трудности в уяснении рассматриваемых уголовно-правовых норм, приводит к сме-

шению различных по уровню познания предметов.

Таким образом, перечисление в диспозициях статей аналогичных по содержанию признаков незаконного оборота наркотиков приводит к выхолащиванию духа уголовно-правовых запретов, носящих всеобщий охранительный характер. Тогда как на практике определить смысл тех или иных уголовно-правовых понятий может только специалист.

В то же время соблюдение требования лапидарности изложения правовой нормы не должно препятствовать уяснению ее содержания. Положительным в связи с этим представляется опыт иностранных государств, имеющих отдельные законы об уголовной ответственности за незаконный оборот наркотиков.

Библиографический список

- Абрамова А. И. Субсидиарное применение правовых норм как способ оптимизации законодательного регулирования // Журнал российского права. 2013. № 10.
- Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / пер. с итал. Ю. М. Юмашева. М., 2000.
- Епифанова Е. В. Аналогия в уголовном праве: история и современность // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 1.
- Ермакова Е. В. Многоаспектность проблемы имплицитности: имплицитность в языке и речи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2009. Т. 9. № 1.
- Ермакова К. П. Правовые пределы судебного усмотрения // Журнал российского права. 2010. № 8.
- Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004.
- Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. 3-е изд. М., 2001.
- Пуклич Т. И. Уголовная ответственность за незаконные изготовление, приобретение, хранение, перевозку, пересылку либо сбыт наркотических средств или психотропных веществ: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003.
- Романов А. К. Почему недопустима аналогия закона в уголовном праве // Законность. 2011. № 5.
- Сабитов Т., Морозов М. Вывод по аналогии при квалификации преступлений // Уголовное право. 2014. № 2.
- Сидоренко А. В. Языковые средства создания имплицитности в рекламном тексте // Вестник ВЭГУ. 2011. № 5.
- Широков Г. Г., Беликов А. М. Опиумные притоны поздней династии цин и дезоморфинная лихорадка начала ХХI в. // Антинаркотическая безопасность. 2015. № 1.